

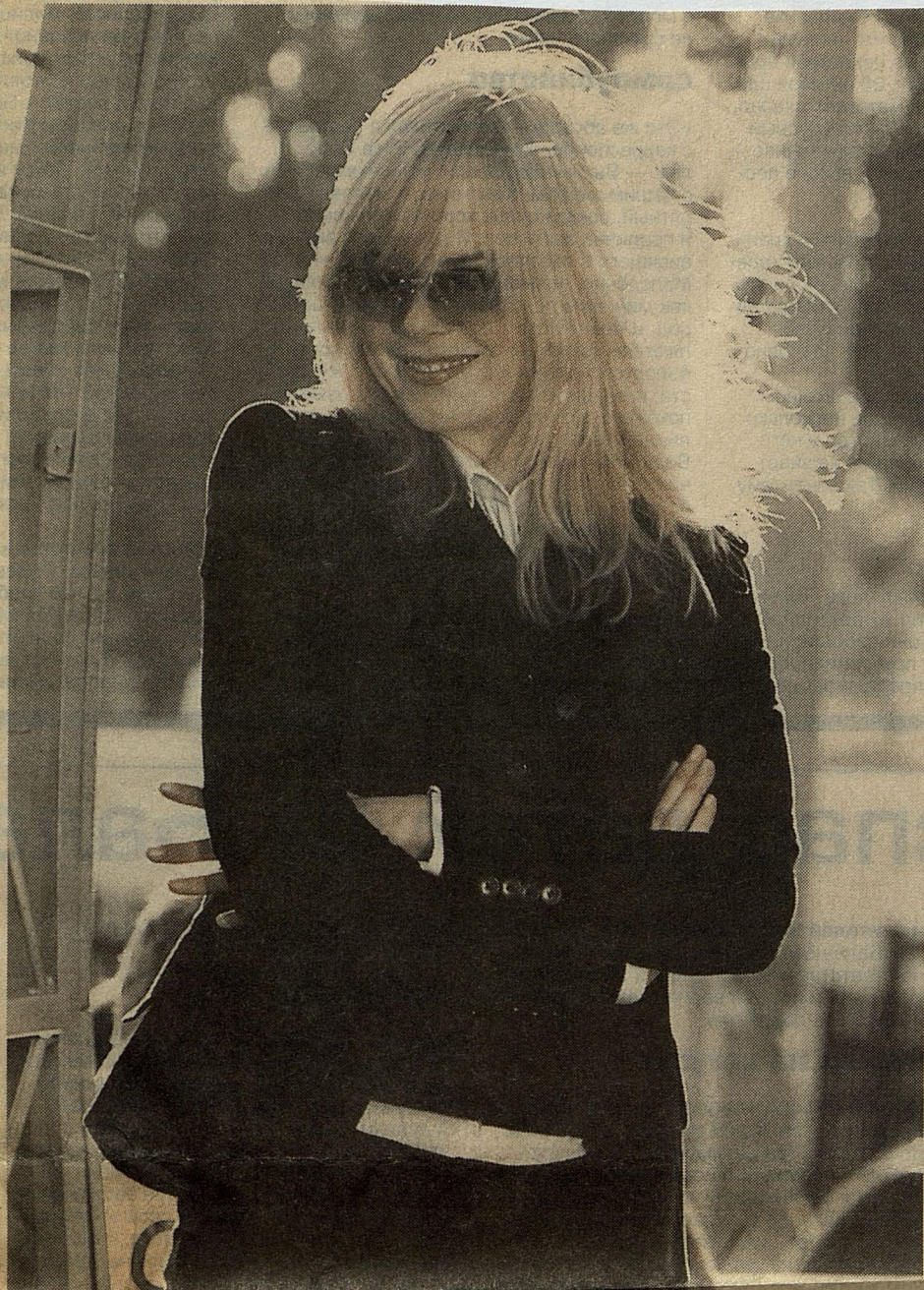

Фото: AP

“Я называю это страстью”

Николь Кидман — Газете
Газета — 2002. — 21 нояб. — с. 1, 7.

Николь Кидман предпочитает славе эксперименты: в новой картине Стивена Дэлдри «Времена» она сыграла Вирджинию Вульф и сама, без дублера, снималась в подводной сцене. Сразу после американской премьеры фильма с Николь Кидман в Нью-Йорке встретился корреспондент Газеты Игорь Потапов.

В фильме «Времена» вы выступили в роли английской писательницы Вирджинии Вульф, персонажа, совсем на вас не похожего — прежде всего, внешне. Что значило для вас подходить к зеркалу и видеть совершенно другое лицо, другого человека?

Я этим наслаждалась. Единственно, я надеялась, что это не будет выглядеть смешно, что зрители смогут мне поверить. Мне дей-

ствительно хотелось, чтобы люди не говорили: «Смотрите, смотрите, ей сделали совсем другой нос!», чтобы на самом деле зритель мог взглянуть на экран и сказать: «Я верю тому, что я вижу». С другой стороны, я собиралась играть писательницу, святую для английской литературы, святую для феминистского движения. На самом деле я действительно немного боялась того, что люди могут надо мной посмеяться. Кстати, пока фильм еще не вышел в прокат, такая опасность все еще существует. (Смеется)

Линию рта меняли при помощи специального грима?

Нет, я сама изменяла свою линию рта... я имею в виду, по-другому разговаривала, по-другому держала губы, использовала другую мимику.

Окончание на странице 07

“Я называю это страстью”

Николь Кидман — Газете

Газета — 2002 — 21 нояб. — с. 1, 7.

Окончание. Начало на странице 01

Это было довольно странно, но все происходило одновременно, я не приказывала себе: сделай то, а сейчас — вот это... Я начала быть Вирджинией Вульф с того момента, когда появлялась на площадке и говорила: «Дайте мне сигарету». Между прочим, курить само по себе было мучением. Но, я начинала курить и становилась ею — по крайней мере, я старалась делать именно это: после двух часов, проведенных в гримерной, все это накладывание носа и так далее.

Как вы пришли к этому образу, с чего все началось?

Как я нашла Вирджинию... Когда ты играешь кого-то, кто существовал в действительности, необходимо почувствовать этого человека, найти его суть. Я прочитала все, что смогла найти, ее биографии, письма, я слушала записи ее голоса, я была буквально ненасытна в своем желании найти как можно больше информации. И в какой-то момент я поняла, что вот сейчас я уже могу играть эту роль, могу попытаться стать Вирджинией Вульф, что я достаточно понимаю ее психологию, что я уже могу сказать: «О'кей, теперь я в состоянии правдиво выражать эти чувства».

Вы даже стали писать правой рукой... Верно.

Вы ведь левша? То, как вы используете левую руку, должно быть как-то связано с полушариями мозга. «Переключение» на правую руку не повлияло как-то на ваше поведение на экране?

Не думаю, но я была ужасно раздражена этим — я действительно страшная левша, и переключиться было очень трудно. Стивен Дэлдри мне очень помог. Я спросила его, как мне точнее передать этот процесс письма, творчества. Он сказал: «Представь себе, что слова — это электрический ток, который идет из твоей головы через руку и пальцы, прямо на бумагу». И он действительно сосредотачивался на сценах, где я просто сижу и пишу — в этом потрясаю-

щем старом доме, весь этот «английский» стиль. Я просто сидела в кресле и писала, и этот образ идущего через руку прямо к бумаге, мгновенно, без усилий, «электричества» очень мне помогал. В какой-то момент я стала этим наслаждаться.

Вы говорили, что почувствовали связь между собой и Вирджинией Вульф. Удалось ли вам узнать что-нибудь новое о себе во время исполнения этой роли?

Я думаю, то, как она боролась со своей психикой, со своим окружением и при этом оставалась честной в своем творчестве, не может не восхищать. И я действительно поражена тем, как она сумела обратить эту борьбу и эту боль в свое творчество. Это действительно вдохновляло меня. Ей говорили, что работа может плохо влиять на ее здоровье, на ее психику, но она все равно решила продолжать писать. Это потрясающе.

Неужели для вас единственным способом играть Вирджинию Вульф было полностью перевоплотиться в нее, стать ею?

Да, но я не имею ни малейшего понятия, почему и как это происходило. С другой стороны, я все-таки не до конца превращалась в Вирджинию, я — мать двоих детей, вечером я возвращалась домой, общалась с ними. Мне кажется, это было что-то вроде внутреннего приказа самой себе: я приходила утром в гримерную и подчинялась этому приказу, приводила себя в соответствие с ним.

Отличалась ли работа со Стивеном Дэлдри от сотрудничества с другими режиссерами?

Да. Стивен обращает исключительное внимание на процесс репетиций, он любит заставлять актеров репетировать каждую сцену по много раз, прогоняя разные варианты, разные возможности. Мне это нравится. Какой-нибудь другой режиссер может поступать совсем наоборот, он может просто сидеть с тобой в комнате, разговаривать два часа, ты можешь прочитать ему сцену-две, и все. Что касается меня, то я обычно подстраиваюсь под режиссера.

В последнее время вы сотрудничали с Ларсом фон Триером...

Да, и это было восхитительно!

Это правда, что вы согласились сниматься в продолжении его фильма «Догвилль», где уже снялись?

На самом деле, «Догвилль» — только первая часть трилогии, мы обсуждали мое участие в еще двух частях. В данную минуту Ларс заканчивает работу над «Догвиллем», насчет будущего еще ничего не известно наверняка, но я бы очень хотела снова поработать с Ларсом, и, я думаю, Ларс тоже этого хотел бы. Он даже сказал мне как-то: «Мы как два химических реактива, которые вступили в реакцию». Я его тогда спросила: «Какой реактив я и какой — ты?», но он до сих пор не ответил. (Смеется)

Что вам вспоминается о съемках «Догвилля» в Европе?

Это было замечательно. Для меня все вокруг выглядело абсолютно белым, весь этот снег... Я бы хотела снова там оказаться.

Как работалось с Ларсом?

Актеры все время были вместе, мы проводили вместе все время, и это выражалось как раз в том виде актерской игры, который я люблю больше всего: мы делились своим настроением и эмоциями, и на экране наша игра должна выглядеть очень правдиво, натурально.

Возвращаясь к «Временам»: в фильме есть сцена, в которой Вульф совершает самоубийство, топится в реке. Я знаю, что вы отказались от использования дублеров в подводных съемках. Как это выглядело?

Я увлекаюсь подводным плаванием, поэтому я сказала: «Я сделаю это. Я должна сделать это сама». Это действительно было довольно опасно. Но я не поддавалась, даже речи не было о том, чтобы кто-то играл в этой сцене вместо меня. Мы снимали ее три дня, и я благодарна Стивену, что в конце концов этот эпизод вошел в фильм, и я правда горжусь тем, что сде-

лала это сама. Я бы чувствовала себя неудобно, объясняя кому-нибудь: «Да, вот это тело, которое вода тащит по дну реки, на самом деле не я, а кто-то другой». Нет, это была я. Самое трудное — задерживать дыхание все время, ведь обычно я ныряю с аквалангом, у меня баллон с дыхательной смесью.

То, что вы снимались в этой сцене без дублеров, каким-то образом возбуждало, добавляло адреналина?

Главное — не адреналин, а правдивая игра.

Вы вообще занимаетесь довольно опасными видами спорта: скалолазание, дайвинг, прыжки с парашютом...

Ну, у меня все-таки сейчас двое детей, так что пока я отказалась от прыжков с парашютом, может быть, когда детям будет по крайней мере шестнадцать, снова вернуться к этому. Но я действительно без ума от подводного плавания, и в эти рождественские каникулы мы всей семьей едем отдыхать на острова, где я надеюсь как следует поплавать с аквалангом. Это одно из занятий, которые меня расслабляют, позволяют отдохнуть — особенно, если я могу полюбоваться под водой на акул.

На акул?

Да, время от времени я наблюдаю за ними под водой, иногда плаваю вместе с ними.

Где?

В Австралии. Естественно, я не имею в виду больших белых акул-убийц, хотя я хотела бы когда-нибудь спуститься под воду в клетке и посмотреть на большую белую акулу вблизи. Я обожаю акул, их вид просто завораживает — как они двигаются под водой, их мощь, грация.

Во время своих занятий спортом вы когда-нибудь были в опасной ситуации?

Нет, но я люблю ходить по краю. Я люблю ощущение, когда ты не знаешь, что может произойти: упадешь ты или нет, сработает парашют или нет. Кто-то может сказать, что это ненормально, а я называю это страстью.

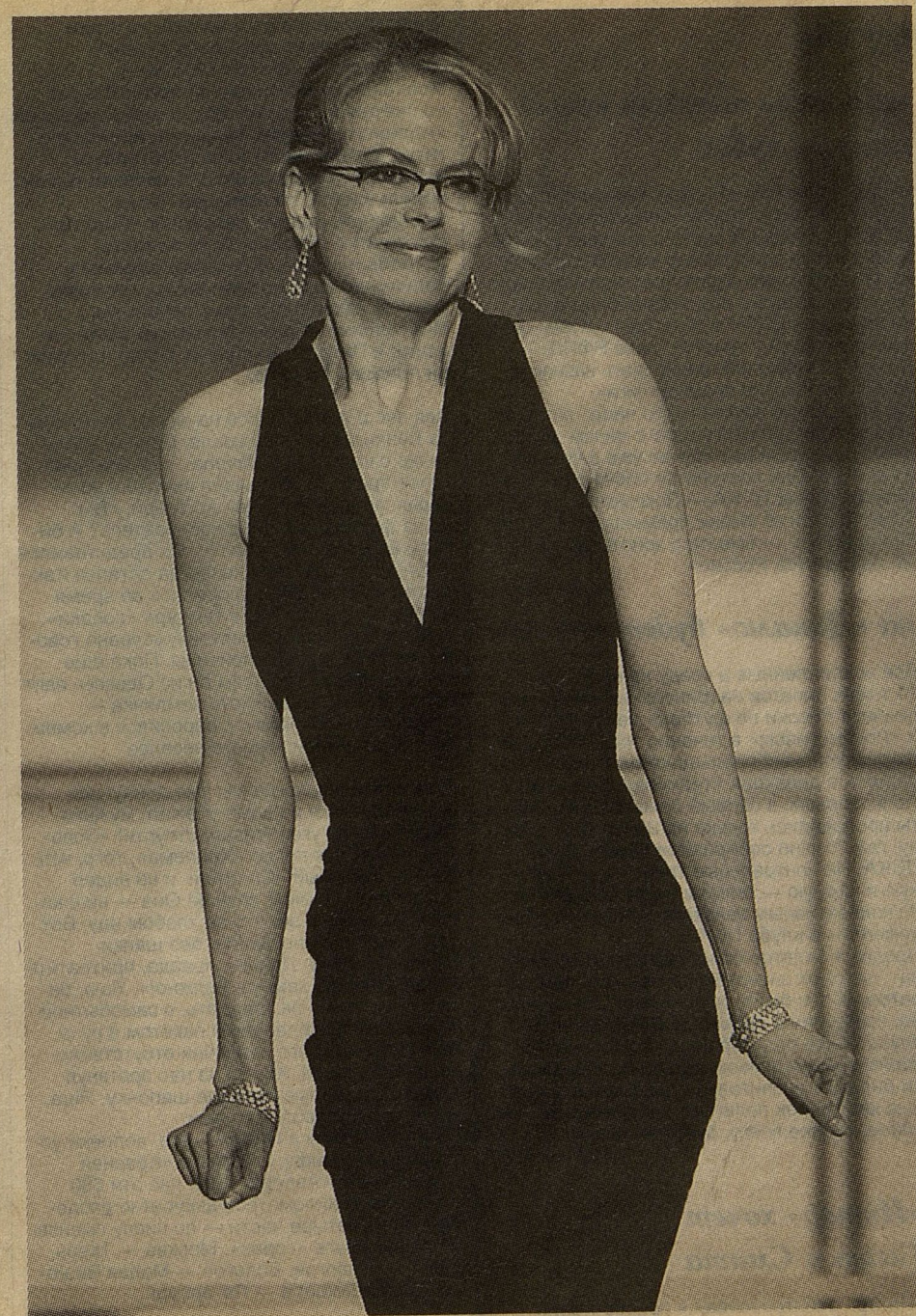

Фото: AP